

## РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ П.А. СОРОКИНА

РЕВЯКИН Е.С., канд. ист. наук

**Рассматриваются взгляды П.А. Сорокина на социальную революцию, ее причины, этапы, конечные результаты. Анализируется его концепция русской революции.**

*Ключевые слова:* научное изучение революции, основные причины революции, новая экономическая политика, тоталитарный режим.

### RUSSIAN REVOLUTION IN P. A. SOROKIN'S SOCIOLOGIC CONCEPT

E.S. REVYAKIN, Candidate of History

**P.A. Sorokin's views of social revolution, its reasons, periods and results are presented. The author analyzes his understanding of Russian revolution.**

*Key words:* scientific revolution study, the main reasons of revolution, new economic policy, totalitarian regime.

Питирим Александрович Сорокин (1889–1968) – выдающийся социолог XX в. – был очевидцем событий революции 1917 г. в России. Оказавшись в 1922 г. в принудительной эмиграции, он продолжил плодотворную научную деятельность, одним из главных направлений которой стало глубокое осмысление русской революции 1917 г. и революции как социального явления вообще. Свою концепцию социологии революции ученый изложил в автобиографическом романе «Долгое путешествие» (1963) и монографии «Социология революции» (1925) [3, с. 266–294]. П.А. Сорокин видел задачу социолога в осмыслении революции, прежде всего, как социального явления с присущими ему чертами. Свои выводы и обобщения он сделал на основе опыта большинства известных истории революций, уделив значительное внимание русской революции 1917 г. как одной из величайших революций в мировой истории.

Анализируя революции, П.А. Сорокин был далек от однозначно положительных или отрицательных оценок этого сложного явления. По его убеждению, научное изучение революции должно быть исключительно объективным, свободным от субъективных мнений. Принципиальным для П.А. Сорокина является вопрос о том, что такое революция и каково ее значение. По его мнению, революция означает: 1) кардинальные изменения поведения людей, их психологии, идеологии, верований и ценностей; 2) изменения биологического состава населения, процесса его воспроизводства; 3) деформацию социальной структуры общества; 4) крупные сдвиги в фундаментальных социальных процессах. При этом революция – худший способ улучшения материальных и духовных условий жизни народа. Обещая на словах реализацию величайших ценностей, революции часто приводят совсем к другим результатам, когда экономическое и культурное положение людей, наоборот, значительно ухудшается. Даже если революции и добиваются каких-то положительных результатов, то достигается это громадной ценой, благодаря чудовищным жертвам [3, с. 269–270].

Одним из принципиальных вопросов для П.А. Сорокина является вопрос об основных причинах революций. Непосредственной предпосылкой любой революции он считает подавление «базовых инстинктов» большинства населения, а также невозможность их даже минимального удовлетворения. Одной из самых главных причин революций социолог считает подавление «пищеварительного инстинкта» населения: голод всегда провоцирует

революционную ситуацию. Не меньшее значение имеют подавление «импульса собственности» в результате экономической дифференциации, роста нищеты и подавление «инстинкта самосохранения» как индивидуального, так и коллективного, особенно во время войны. Также играют роль подавление «импульса свободы» и «инстинкта самовыражения» способностей человека. В войне П.А. Сорокин видит мощный «инструмент смерти», который жестоко подавляет инстинкт самосохранения как индивидуальный, так и коллективный, подвергая опасности целые социальные группы. Неудивительно поэтому, что войны часто приводят к социальным взрывам. В связи с этим многие революции, в том числе и русская, происходят сразу или во время неудачных войн. Комментируя ситуацию в России, связанную с войной в 1917 г., П.А. Сорокин отмечает: «Люди, ставшие рабами своего инстинкта самосохранения бросают все и яростно набрасываются на правительство, переворачивают существующий социальный порядок, воздвигая знамя революции». В результате «репрессированный импульс самосохранения» нарушает порядок и дисциплину, все цивилизованные формы поведения, превращая людей в «беснующие орды сумасшедших» [3, с. 276].

Подавление базовых инстинктов всегда ведет к революциям, так как вынуждает людей искать любые выходы из того положения, когда их поведение развивается по биологическим законам и управляется только безусловными рефлексами. Так, голод приводит к воровству и грабёжам. Тот, кто никогда не крал, становится вором, а человек, всегда соблюдавший закон, теперь яростно его нарушает. Необходимыми условиями для революционного взрыва являются: 1) растущее подавление базовых инстинктов; 2) их всеобщий характер; 3) бессилие организаций, обеспечивающих социальный порядок, и отсутствие у них достаточного арсенала средств для подавления революционного стремления населения. Наиболее революционными становятся социальные группы, базовые инстинкты которых подавляются наиболее интенсивно. Именно они становятся носителями самых радикальных настроений [3, с. 272–282]. На вопрос: почему, например, пролетариат – наиболее революционный класс общества, П.А. Сорокин отвечает: «Да потому, что его собственнический инстинкт подавляется больше, чем любого другого класса. Он почти ничем не владеет, если вообще владеет чем-либо; дома, в которых живут рабочие, принадлежат не им; орудия

труда не являются его собственностью; его настоящее, не говоря о будущем, социально не гарантировано; короче, он беден как церковная крыса. Зато со всех сторон он окружен непомерными богатствами. На фоне этого контраста его собственнический инстинкт подвергается значительным раздражениям, подобно инстинкту раздражения у женщин, не имеющих детей. А отсюда его революционность, его ворчание на «кровати из гвоздей», на которую взгромодила его история. Его идеалы социализма, диктатуры, экспроприации богатей, экономического равенства, коммунизма есть прямое проявление этой репрессии» [3, с. 275–276].

Анализируя русскую революцию 1917 г., П.А. Сорокин отмечает, что накануне революции в России у 95 % населения подавлялись все вышеназванные базовые инстинкты. Наиболее революционными были рабочие, солдаты, крестьяне, различные маргинальные группы населения. Февральская революция ничего не дала трудящимся массам, кроме «свободы на бумаге». В частности, не улучшилось экономическое положение людей, росла нищета, базовые инстинкты по-прежнему подавлялись. В результате Октябрьская революция стала неизбежной: рабочие были вынуждены «педалировать» революцию и стремиться к слому всех обстоятельств, ограничивающих их базовые инстинкты.

Советское правительство в течение нескольких месяцев после прихода к власти дало людям свободу. Крестьяне получили право на захват помещичьих земель, солдаты – на прекращение войны и возвращение домой, рабочие могли не работать, занимать важные административные посты, устанавливать контроль над фабриками и заводами. Однако через несколько месяцев ситуация резко изменилась. Первая фаза революции, характеризующаяся, в основном, радостью освобождения от старого режима и стихийным разрушением всех основ старого общества, сменилась второй – деструктивной, в ходе которой новая власть стремится ввести бунтующую стихию в определенное русло, придать ей определенные формы, создать на развалинах старого общества новый коммунистический строй. Но так как этот строй противоречил «всем основным импульсам и инстинктам человека», «смирительная рубашка» не столько успокоила безумствующую стихию, сколько «задушила» организм больного общества и привела его к полному развалу [4, с. 130]. В период 1918–1920 гг. крестьяне, рабочие и солдаты испытали немало лишений от голода, принудительного труда, бюрократизма и тирании новой власти. Гражданская война, чрезмерное обнищание, эпидемии, голод стали главным препятствием на пути консолидации различных социальных сил. Недовольство народа привело к антисоветским восстаниям и крестьянским мятежам. Только в 1921 г. вторая фаза революции сменилась третьей – конструктивной, связанной с новой экономической политикой. По мнению Сорокина, эти три фазы проходят все революции.

Большое значение имеет вывод П.А. Сорокина о том, что революция может произойти только в обществе, которое не смогло развиваться, постепенно реформируясь. Если в ходе этой революции общество оказалось способным выжить и развиваться дальше, оно возвращается к своим истокам, прошлым институтам и традициям, созидательному труду, сотрудничеству и единению всех социальных

групп. Революция приходит к своему логическому концу, сходит на нет и прекращается [3, с. 282–294].

В 1923 г. в Праге к 5-летию юбилею Октябрьской революции П.А. Сорокин опубликовал статью «Россия после нэпа», в которой продолжил анализ русской революции. Эту работу он посвятил рассмотрению социально-политической ситуации в России в первые годы после введения новой экономической политики, то есть периода 1921–1923 гг. Переход к нэпу социолог рассматривал как вступление русской революции в третью конструктивную стадию. По его мнению, это означает ликвидацию коммунизма и переход России к воссозданию старых капиталистических начал. В связи с этим П.А. Сорокин отметил: «История, поистине, сыграла злую шутку с коммунистами. Она заставила их собственными руками вводить снова капитализм, так усердно разрушавшийся ими. Они увидели, наконец, что коммунизм привел к полному развалу хозяйственной жизни, им стало понятно, что коммунистическая система не в состоянии возродить хозяйство и что без капитализма нет спасения» [4, с. 130].

При этом нэп – лишь временный возврат к капитализму, «передышка», которая нужна для восстановления разрушенного хозяйства. Как только эта задача будет выполнена, Советская власть снова вернется к коммунизму. По этой причине коммунисты, с одной стороны, под напором необходимости вводят нэп, с другой – сводят его на нет. В результате вместо погибшего коммунизма был создан не настоящий капитализм, а хозяйственно-социальный строй, представляющий смесь всех отрицательных сторон капитализма и деспотического коммунизма. К первым Сорокин относит спекуляцию, хищничество, контраст между голодом и роскошью, ко вторым – тиранию, бесправность, подавление стимулов к труду и т.д.

В то же время новый строй, лишенный положительных организационно-производственных функций капитализма, не привел к уничтожению неравенства и эксплуатации. В результате он воплотил в себе все недостатки капитализма без его достоинств и все пороки царизма без его преимуществ. Этот строй получил название «государственного капитализма», который Сорокин считает «самой древней и наихудшей формой капитализма».

При этом он отмечает, что данный строй все-таки несколько лучше коммунистического. Но, несмотря на это, он «бесконечно худший», чем частнокапиталистический. Комментируя это, П.А. Сорокин подчеркнул: «Мудрено ли поэтому, что дав некоторый простор индивидуальному почину и интересу, придушенным капитализмом, он вызвал некоторое оживление в торговом и мелком хозяйстве, сыграл роль свежего воздуха, вдыхаемого задыхающимся человеком. Но так как эта порция свежего воздуха оказывается совершенно ничтожной, так рядом с ним большую Россию по-прежнему угощают солидными дозами коммунистического яда, то о серьезном оздоровлении при таких условиях не может быть и речи, впредь до введения подлинного капитализма, со всеми его социально-правовыми и политическими предпосылками» [4, с. 131–132].

Комментируя эти утверждения, П.А. Сорокин рассматривает негативные изменения, произошедшие в различных сферах жизни России. Так, нэп усилил процесс имущественной дифференциации во всем населении, в том числе и крестьянстве.

Контраст бедности и богатства стал громадным, «деревенская беднота» осталась дискриминируемой группой, в результате в деревне формируется класс мелких собственников, наблюдается разгул «мелкобуржуазной стихии». В нэпманах Сорокин видит хорошо развивающуюся новую буржуазию, которая «душой и телом» предана собственности [4, с. 136].

В итоге изменения, связанные с нэпом, означают восстановление разрушенной революцией пирамиды, возврат к старому, невыполнение ее громких обещаний, таких как равенство, уничтожение эксплуатации и др. [4, с. 138]. Кроме того, изменения в социально-хозяйственной жизни общества привели к деформации и в духовной жизни. Главными чертами этой деформации являются: 1) отрицательное отношение к коммунизму, социализму и ко всему, что с ними связано; 2) положительное отношение к частной собственности, капиталисту и «буржую»; 3) серьезный подъем религиозности, привязанности к церкви, в том числе, православной [5, с. 81].

В качестве итога Сорокин делает вывод о том, что «коммунизма больше нет в России», а компартия и Советская власть потеряли всякую опору в народе. В результате их ожидает падение уже в недалеком будущем. По его мнению, Советская власть может просуществовать еще несколько лет при условии дальнейшей эволюции в сторону капитализма и правового строя. В противном случае она будет сброшена насильственно. Если эта эволюция станет реальностью, то власть также ожидает падение, но более мягкое [5, с. 79–80].

Необходимо подчеркнуть, что это предположение Сорокина не подтвердилось. Реальность оказалась совершенно другой: к началу 30-х годов нэп был полностью свернут сталинским руководством, победившим в идеологической борьбе по поводу путей и методов дальнейшего строительства социализма. В стране установился жесткий тоталитарный режим под эгидой коммунистической партии, экономика стала полностью государственной с административно-командными методами управления, дальнейшее развитие рыночных отношений на долгие годы стало невозможным. Общеизвестно, что одной

из главных причин прекращения нэпа было стремление руководства коммунистической партии исключить возможность перспективы социально-политического развития страны, высказанной П.А. Сорокиным.

Необходимо отметить, что в статье «Россия после нэпа» П.А. Сорокин дал в целом глубокий объективный анализ нэпа, показал его противоречивость, временный и непоследовательный характер. Однако ряд утверждений ученого, например, о полной разрухе, одичании и деградации России и о том, что 97–98 % населения ненавидят Советскую власть и коммунистическую партию, представляются несколько преувеличенными и субъективными. Его идея о скором падении Советской власти выражает настроения русской эмиграции, мечтавшей видеть Россию свободной от большевизма уже в ближайшем будущем. Кроме того, необходимо иметь в виду, что статья написана в 1923 г., в условиях раннего нэпа, когда еще были на лицо разрушительные последствия политики военного коммунизма и гражданской войны (экономическая разруха, политическая нестабильность и т.д.) и предвидеть конечные перспективы развития нэпа было невозможно. Если бы статья была написана во второй половине 20-х годов, в условиях постепенного свертывания нэпа, выводы ученого могли бы быть иными. В целом концепция революции П.А. Сорокина имеет большое научное значение и представляет интерес.

#### Список литературы

1. Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная социология. – СПб., 1997. – С. 211–213.
2. История теоретической социологии. В 5 т. Т. 2. Социология XIX века. – М., 1997. – С. 403–407.
3. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992.
4. Сорокин П.А. Россия после нэпа // Вестник Российской Академии наук. – 1992. – № 2. – С. 129–138.
5. Сорокин П.А. Россия после нэпа // Вестник Российской Академии наук. – 1992. – № 3. – С. 69–82.

Ревякин Евгений Станиславович,  
ГОУВПО «Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина»,  
кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии,  
телефон (4932) 26-97-81,  
e-mail: socio@sociol.ispu.ru